

Н.Е. Кричевцова
(УГЛТУ, Екатеринбург)

«ФРУСТРАЦИЯ УТРАЧЕННОГО СМЫСЛА» И ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Вынесенный в заголовок термин В. Франкла чрезвычайно точно характеризует духовное состояние нашего общества сегодня, в котором до недавних пор царил пафос отрицания целей и ценностей социалистической модели жизнеустройства. Обретя вожделенную «свободу от», растерянно оглядываемся в поисках «точки опоры» для нашего нынешнего существования. Суматошное копание в куче идейного «секонд-хенда» общества потребления, установка «братъ от жизни всё» после непродолжительной эйфории вызывают у каждого нормального человека вечный вопрос: "Зачем?" Раньше на него отвечала политическая идеология, еще раньше внедрялась в сознание религиозная. Отвернувшись от коммунистической теории и практики, испытав панику аномии, обыватель кидается в объятья веры, мистики, эзотерики по контрасту с низвергнутым материализмом в теории и современным вещиизмом на практике. Мы теперь не народ, не общество, мы атомарные индивидуумы и у каждого своя «истина», не открытая наукой, а порожденная в недрах собственного сознания и подсознания, желаний и возможностей.

Когда речь идет о человеке во всей полноте его жизни (индивидуальной и социальной, физической и психической, материальной и духовной) необходима особая конструкция – мост между общим и частным, живым, конкретным и обобщенным, объективным и субъективным – между реальностью и смыслом.

Смыслы – удел поэзии, религии, философии как жизненной мудрости. И по отношению к ним некорректно пользоваться тем же, что и в науке, понятием истины как соответствия знаний объективной действительности. Это явления, преломленные в духе субъекта, так называемая «экзистенциальная истина» [1, с. 175], или «правда жизни». Её функция – корреляция не объективного и субъективного, а общечеловеческого и личностного смыслов бытия. Экзистенциальная истина обретается в самопознании. Процесс этот бесконечен как в силу неисчерпаемости объекта вглубь, так и по причине постоянной изменчивости «фигурантов дела» - образа «Я», физической и психической реальности, содержания и формы автокоммуникации.

В этой области всё зыбко и относительно, но жить надо сегодня, руководствоваться в конкретных поступках и выстраивании перспектив чем-то абсолютным. Связь абсолютного и относительного лежит в сфере веры. Вера – форма существования идеала. Содержание может быть различным.

Дело, однако, усложняется тем, что человек не удовлетворяется обретенной личной, экзистенциальной истиной, ведь смысл последней как раз в том, чтобы связать индивида с другими людьми, преодолеть одиночество и страх смерти. Личная вера и своя правда, которую никто не разделяет, – это удел аутистического сознания, шизофреническая самоизоляция субъекта. Мировоззренческие модели пытаются связать объективную истину и субъективную правду, предлагая разные варианты их сосуществования.

1. Философия обобщает достижения конкретных наук и на основе этого знания трактует человека, его отношения с миром, смысл жизни личности. Идеальная модель такого рода по универсальности, логичности, связи разных уровней познания – марксизм: диалектика природы, прогрессивное развитие общества по направлению к социальной гармонии и возможность для каждого человека найти свое место в этом процессе. К аналогичной модели можно отнести учение Б. Спинозы, усматривавшего единую логику мироустройства и человеческих отношений, или, например, даосизм.

2. Субъективный идеализм снимает вопрос о соотношении объективного мира и субъективного образа, замыкаясь в рамках последнего. Может быть, в силу, своего рода, снобизма эта концепция никогда не была столь популярной, чтобы определять дух времени.

3. Классический объективный идеализм Гегеля, являя по существу абсолютизированный процесс самопознания (абсолютная идея отчуждает себя и разглядывает со стороны), также универсален и логичен, но игнорирует самосознание и самочувствование приватного, конкретного человека, обыкновенного обывателя.

4. Буддизм, построенный на представлении о мировом духе, игнорирует личность как временное, единичное, несущественное и ущербное существование, в идеале субъект должен исчезнуть, растворившись в мире.

5. Христианское мировоззрение, персонифицируя духовную субстанцию, предельно сближает маленького человека с отцом небесным, разворачивает последнего к его нуждам и проблемам, поступкам, ошибкам, духовному росту. Богочеловеку есть дело до каждого

из простых смертных, и именно он служит основой их общности (братство во Христе), связывает личность с человечеством посредством общих ценностей, целей и истины. Универсальность модели, а также «легкоусвояемая» мифологическая консистенция обеспечили христианству долгожительство в западном обществе. Изменчивые исторические условия породили множество направлений и сект, а мировоззренческий стержень христианства стал частью европейской культуры.

Именно в этом качестве христианская религия привлекает внимание сегодня. Немало людей пытаются связать с ней духовное возрождение России. Интерес к культурному прошлому, конечно, похвален, но хотелось бы заметить, что и современные проблемы, и способы их решения далеко не новы. Начало теперь уже прошлого, XX века демонстрирует нам аналогичную попытку увидеть в христианстве панацею от духовных и социальных недугов.

Своеобразное восприятие христианской традиции и личное переосмысление её являет нам Л.Н. Толстой, сотую годовщину со дня смерти которого мир отмечал в 2010 г. Экзистенциальный заряд философии Л.Н. Толстого, его интеллектуальная отвага, огромная эрудиция, искренность и доверительность общения с читателем побуждают сегодня припасть к этому источнику, не замутненному временем и пропагандой.

В эпоху девальвации прежних ценностей и ориентиров велик соблазн притяжения каких-то готовых форм, а то и просто «лейблов», ставших признаком современного мышления. «Хорошо забытое старое», извлеченное из исторических сундуков, объявляется снова модным и в виде культурной инсценировки заполняет духовный вакуум. Такую картину мы наблюдаем в российских социальных реалиях, когда «свято место» заняло православие в качестве официальной идеологии, «лучшего друга» российских учителей, военных, больных, осужденных и т.д. и т.п.

В этой связи возникает жгучее желание обратить внимание наших современников на вдумчивое, глубокое, эмоционально и интеллектуально процеженное учение Л.Н. Толстого о православной церкви (которая с тех пор мало изменилась) и нравственной проповеди Иисуса Христа. Ревизия, которой классик подверг церковно-христианскую доктрину, до сих пор вызывает священное негодование православных идеологов.

Прежде всего, само понятие религии, сформулированное Л.Н. Толстым, является взглядом на нее «с колокольни» более общей системы, исходя из понимания духовности, культуры, особенности человека как существа мира – антропологии, по-нашему говоря: «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека, установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками» [2, с. 204].

Далее, религия служит уяснению смысла человеческой жизни, понятому, опять же, не в церковно-индивидуалистическом ключе (земное существование как дорога в рай), а как единение людей, путь самопознания, развития, самосовершенствования, возрастания духовного начала: «Спасение не в обрядах и исповедании веры, а в ясном понимании смысла своей жизни» и существования человека вообще. Назначение религии – «предвидеть и указывать путь жизни, по которому должно идти человечество, она дает идеал, к которому должно стремиться» [3, с. 43]. «Религия открывает смысл жизни людей» [4, с. 109]. И не просто единый для всех смысл, а спроецированный на каждого конкретного человека, кем бы он ни был. «Религия Толстого, – отмечает Б. Сушков в предисловии к сборнику религиозно-философских сочинений писателя, – обращена не к "массам", а к отдельному человеку, к личности, к его сознанию, его душе...» [4, с. 25].

Религия, в толстовском ее понимании, побуждает человека сопоставлять жизненную реальность с идеалом и стремиться в своем поведении выполнять хотя бы «программу-минимум», содержащуюся в христианском учении. Социальная действительность предстает злой карикатурой на идеал: войны, тюрьмы, казни, нищета одних и роскошь других, обман, разврат... - увы, мы сегодня не можем ничего вычеркнуть из этого списка! Но человек может и должен следовать истинным путем, прежде всего, не увеличивать меру зла в мире, не применять насилия в противостоянии, противодействии жестокости людей, государства, церкви и т.д. Идеал – любить людей. Нравственный минимум – не делать и не говорить другим гадостей. Идеал – целомудрие, минимум – чистота брачной жизни. Идеал – любить врагов (то есть людей враждебного народа), норма – не делать различий между своими и чужими [3, с. 48-50].

Исполнение этих норм нужно не для достижения личного спасения (читай – «райского местечка»), а для реальной, земной, лучшей, разумной, счастливой жизни [4, с. 147]. Противоречие должного и су-

щего не извиняет моральный конформизм личности. Девиз Л.Н. Толстого: «Делай, что должно, и будь, что будет».

Религия для Льва Николаевича – прежде всего, мировоззрение и в качестве такового – необходимая основа нравственности: «Если религия есть установленное отношение человека к миру, определяющее смысл его жизни, то нравственность есть указание и разъяснение той деятельности человека, которая сама собой вытекает из того или другого отношения человека к миру» [5, с. 277]. Истинная религия универсальна, едина для всех людей и всех народов, все существенные положения ее можно найти в исламе, христианстве, иудаизме, буддизме – это «отношение человека к богу как части к целому» и назначение человека как «увеличение в себе божественного свойства» [2, с. 232].

Что же тогда в таком случае Бог? В религии Л.Н.Толстого это не ветхозаветный демиург, не «злой и мстительный» ревнитель, наказывающий людей за грехи Адама, не вершитель судеб Аллах, не христианская Троица, не личность. Иисус Христос в произведениях мыслителя – не ипостась божества, а учитель правильной жизни: «Воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством». И если Христос называет себя сыном Бога, то только потому, что он человек, а «всякий человек по духу есть сын Бога» [6, с. 79].

Идея отцовства Бога по отношению к каждому человеку служит для Льва Толстого основанием понятия всечеловеческого братства: «Бог – духовный отец всех людей, и высшее благо человека достигается тогда, когда он сознает свою сыновность Богу и братство людей между собою» [2, с. 213]. Заповеди Иисуса Христа писатель цитирует в «Исповеди», «Круге чтения», «Пути жизни» и других своих философских и публицистических произведениях наряду с другими основателями религий, философами, мудрецами, литераторами – Конфуцием, Гаутамой, Лао-Цзы, Сократом, Марком Аврелием, Блезом Паскалем, Иммануилом Кантом.

Слово «Бог» зачастую служит Толстому для обозначения сущности человека, идеально возможного человеческого существа: «Христианство возвышает человека до сознания себя, но не себя - животного, а себя – Бога, искры Божьей, сына Божьего» [2, с. 51]. «История человечества есть не что иное, как постепенный переход от непонимания человеческого, животного, к непониманию общественному и от непонимания общественного к непониманию Божескому» [3, с. 44].

Смысл понятия «бог» раскрывается и в интерпретации Толстым христианской любви, как чувства, направленного не на каждого конкретного человека (среди людей есть преступники, сумасшедшие, алкоголики), а на Бога в человеке [3, с. 50; 7, с. 71]. Воля же Бога приравнивается к совести, актуализация Бога в человеке – любовь, «желание блага всему сущему» [8, с. 46, 43].

Толстой всегда говорит о Боге иносказательно, подчеркивает принципиальную невозможность его научнообразного определения – «Бог есть жизнь», «Бог – начало всего», и даже такая усмешка мудреца: «Бог с ним, с Богом» [8, с. 43; 9, с. 28].

Столь же тщательно и критическому осмыслению подверглись и другие христианские догматы. Жизнь вечная, о которой говорит Иисус Христос, трактуется Л.Н. Толстым как жизнь общественная – «прошлое, настоящее и будущее человечества» [4, с. 129]. «Христос учит тому, чтобы люди выше всего ставили свет разума, чтобы жили сообразно с ним» [2, с. 182]. Отвергаются ад и рай, воскресение Иисуса Христа, ни словом не упоминается антипод Бога, видимо, как архаический антропоморфизм, не достойный даже серьезной критики... . Не осталось места в этом учении и аскетизму: «Христос учит не спасению верою или аскетизму, то есть самовольным мучениям в этой жизни, но он учит жизни такой, при которой кроме спасения от гибели личной жизни еще здесь, в этом мире, меньше страданий и больше радостей, чем при жизни личной» [4, с. 147]. Смысл жизни каждого отдельного человека «в увеличении в себе любви», эта любовь несет блаженство здесь и сейчас (как там у Стругацких – «счастье всем, даром, немедленно и пусть никто не уйдет обиженным!»). Лев Толстой называет это состояние души «духовным наслаждением любви».

Из всего христианского Священного писания в религии Толстого остались, практически, одни Евангелия, да и те заново им переведенные, пересказанные, сокращенные, в авторской интерпретации, из них в центре внимания Нагорная проповедь, но из 12 христовых заповедей блаженства осталось только 5, которые при очень незначительном лексическом марафете преобразуются в моральный кодекс строителя коммунизма: человек человеку друг, товарищ и брат, интернационализм, равенство, уважение всех людей, супружеская верность и крепкая семья.

Конечно, совпадения источников прослеживаются не только в толстовском пересказе, сама формулировка коммунистического идеа-

ла возникла в европейском сознании в контексте западной культуры, в основании которой лежало христианство, в немалой степени сформировавшее наш тип мышления. Достаточно вспомнить, что первоначальный вариант Манифеста коммунистической партии назывался Катехизис, вспомнить параллели, отмеченные Энгельсом в современном ему коммунистическом движении и раннем христианстве, а также разошедшиеся на лозунги и жизненные максимы цитаты из Иисуса Христа: «Кто не работает, тот не ест», «Кто был ничем, тот станет всем», «Кто ищет, тот всегда найдет».

Все эти параллели говорят, главным образом, о том, что человеческой душе во все времена свойственно искать опору в общих, незыблемых идеалах, в том, что могло бы объединить всех людей и построить связь личности и человечества, увидеть критерий истинности именно в общности и преемственности, независимо от того, исходит она от Бога, мирового закона, человеческой природы или логики истории.

Общегуманистический, философско-нравственный характер толстовского религиозного учения о религии отмечен многими исследователями творчества писателя – А. Грамолиным, М. Гином, Л. Леоновым, Б. Сушковым, В. Шмелевым [12]. По меткому наблюдению Л. Леонова, высказанному в предисловии к изданию философско-религиозных сочинений мыслителя, «любому слову в философской терминологии Толстого, вплоть до царства божьего, найдется синоним в нынешнем гуманистическом словаре» [6, с. 25].

Словом, «что мне от любви (то есть от религии) осталось ныне? Только имя». Точнее, понятие-символ, которое играет незаменимую социокультурную роль. Специфика символа состоит в том, что он, по словам А.Ф. Лосева, создает «бесконечную смысловую перспективу» [10, с. 258]. Символ как смысловая конструкция указывает на нечто иное, отличное от данного образа, понятия, вещи; это полисемантический подтекст, прочтение которого обусловлено системой культуры, в которую он вписан, установкой и мерой компетентности воспринимающего, наконец, теми оттенками значения, коими наделяет символ данный автор. Всякий символ есть обобщение, причем такого рода, что позволяет одновременно уловить, коснуться разных сторон бытия. Это некий смысл, стоящий за наглядностью и объединяющий явления, попавшие в спектр его значений, именно этим имманентным смыслом. В силу такой нагрузки – раскрытия мира в его смысловом значении для субъекта – символ несет в себе эмоциональный заряд, воспринимается не только сухо логически, отвлеченно-интеллектуально, но

проецируется на чувства человека, резонирует в сердце.

Не будет, пожалуй, большой натяжкой сказать, что понятие религии вообще, не только у Льва Толстого, за рамками собственно богословия имеет черты символа и расширяется в зависимости от контекста: если говорят «мое credo», имеется в виду отнюдь не христианский Символ веры. «Ах Арбат, мой Арбат, ты моя религия» Булата Окуджавы совсем не то же самое, что социалистическая религия богостроителей, гуманистическая религия Людвиг Фейербаха, видение атеизма как специфической религии. Перечисления можно продолжить, но, наверное, достаточно для восхождения к сущности: за словом «религия» стоит не просто система взглядов (даже, как видим, не обязательно идеалистических), но и жизненная позиция, некая пассионарная преданность идее, готовность к жертвенности «во имя», имманентная включенность ее в структуру личности, побуждение к деятельности ради ее торжества.

Поэтому Л.Н. Толстой настаивал на мысли, что жизнь человека без религии пуста, бессмысленна, скорбна, бездуховна [4, с. 32]. «Человек есть слабое, несчастное животное до тех пор, пока в душе его не горит свет Бога. Когда же свет этот загорается (а загорается он только в душе, просвещенной религией), человек становится могущественнейшим существом мира» [2, с. 239].

Религия для Льва Толстого первична по отношению к философии и науке, так как объясняет цели и границы применения научной методологии [5, с. 271-272]. Душу как целое, как живое изменчивое «я», то, что свято в этой жизни и в этой душе, то, что выше каждого из нас, но именно в нас проявляется, – это нельзя разложить по полочкам научных понятий и философских категорий: «Бога и душу я познаю не путем определения, но совершенно другим путем. Определение разрушает во мне это знание... К несомненности знания Бога я приведен вопросом: откуда я? К знанию души я приведен вопросом: что я такое?» [4, с. 29].

Религией называет Л.Н. Толстой способ познания экзистенциальных явлений, язык разговора о них, форму существования подобных движений души. Мировоззренческая позиция человека при этом может быть любой, вплоть до атеистической, как справедливо заметил А.Б. Грамолин, анализируя толстовское определение религии [11, с. 156].

По значимости и роли в человеческой жизни то, что называется в произведениях Л.Н.Толстого религией, близко по значению в быденном языке понятию «вера». Вера как стимул творчества, привер-

женность идеалам, мотив самоотверженной деятельности, озаренность жизни смыслом. Вера противоположна не знанию, а сомнению, скепсису, духовной анемии. В российской культуре от протопопы Аввакума до А.И. Солженицына «истинная вера» всегда выступает опорой личности на правильном пути – «жить не по лжи», как сформулировал эту установку сильных духом наш выдающийся современник, впитавший традиции российской «философии жизни».

Вера – тоже понятие-символ, своеобразная эмблема внутреннего мира. Религия – только одна ипостась веры. Через призму символа могут быть рассмотрены и другие термины учения Льва Толстого – душа, любовь, совесть, добро. Данные понятия–символы вообще судьбоносны для русской философской мысли, в которой историко-социологический ракурс являет идею богочеловечества, соборности (богоискатели, славянофилы), онтологический ракурс упирается в концепцию всеединства (В. Соловьев), гносеологический – в софиологию (В. Соловьев, Е. Трубецкой) и христианскую антропологию (Н. Бердяев); наконец, этика пронизывает собой все философские вопросы, выступает как цель, смысл и ядро человековедения.

Для русского (российского) человека философствовать – значит говорить «за жизнь», то есть о ключевых ценностях и смыслах. Потому наши мыслители, сами несомненно искушенные в абстракциях европейской, прежде всего немецкой классической философии, ориентированы на диалог с таким читателем, который в литературе искал жизненной мудрости, а от философии ждал «душевности»; да и собственный их исследовательский запал срабатывал от экзистенциальной искры.

От деревенского мужика до университетского профессора в России высшее знание, истина имеет значение прежде всего как подлинное, настоящее, как Правда. «Пострадать за правду», «служить верой и правдой», стоять «за правое дело», быть «правдолюбом» – сколько аналогичных выражений стали родными и осеняют наше сознание от фольклора до периодической печати! И такая преемственность служит для личности духовным стержнем, связью времен, признаком бессмертия своей души через прикосновение к вечному. Как говорят сегодня, «вера, которую никто не разделяет, называется шизофренией». Но не только это пугало толкает людей в объятия «общепризнанных» святых: смысл жизни не может замыкаться на индивидуальность, он – мост к общечеловеческому. Вот такая вознесенность и выражается зачастую словом «религия».

Для россиянина XIX – XX веков (а для многих и сегодня) религия – это основание идеологии, а то и сама идеология, которая понимается не с партийно-классовым уклоном, как политически ангажированное мировоззрение, а на основе родства понятий «идея» и «идеал», как духовная основа общности людей, направляющая и организующая их материальную, социальную, духовную деятельность и дающая экзистенциальный смысл индивидуальной жизни, служащая преодолению одиночества человека среди людей. Именно так интерпретировал Лев Толстой учение Христа: «Христос сказал мне: живи для блага... Благо есть твое единство со всеми людьми». «Я верю, что учение это дает благо всему человечеству... и дает мне здесь наибольшее благо» [4, с. 186].

Какое б ни было у нас «тысячелетье на дворе», во всяком живом и мыслящем человеке неистребима потребность ощутить свою причастность к тому, что выше и долговечнее каждого из нас. Философия Л.Н. Толстого особенно созвучна нам сегодня, так как она – «открытая система», побуждающая нас к собственным размышлениям. И сам писатель всю жизнь находился в поиске, менялся, развивался, не пугаясь начать все сначала, устремленный к Истине как к цели и стимулу деятельности, как к Вере и Правде.

Библиографический список

1. Пивоваров Д.В. Гносеология религии / Д.В. Пивоваров. Екатеринбург, 2009.
2. Толстой Л.Н. Что такое религия и в чем сущность ее / Л.Н. Толстой // Толстой Л.Н. В чем моя вера? Тула, 1989.
3. Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Толстовский листок. № 9. Москва – Санкт-Петербург, 1996.
4. Толстой Л.Н. В чем моя вера? / Л.Н. Толстой. Тула, 1989.
5. Толстой Л.Н. Религия и нравственность // Толстой Л.Н. В чем моя вера? Тула, 1989.
6. Толстой Л.Н. Краткое изложение евангелия // Евангелие Толстого. Избранные религиозно-философские произведения Л.Н. Толстого М., 1992.
7. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 томах. Т. 16. М., 1983.

8. Христианская этика // Систематические очерки мировоззрения Л.Н.Толстого. Екатеринбург, 1994.

9. Сушков Б.Ф. Религия совести: Предисловие // Л.Н. Толстой «В чем моя вера?». Тула, 1989.

10. Лосев А.Ф. Логика символа // А.Ф. Лосев. Философия, мифология, культура. М., 1991.

11. Грамолин А.Б. Мировоззрение Льва Толстого как философия эпохи автоэволюции / А.Б. Грамолин // «Лев Толстой и судьбы современной цивилизации»: Материалы ХХІХ международных Толстовских чтений. Ч. II. Тула, 2003.

12. Шмелев В.Д. Антропологическая направленность религиозных исканий Л.Н.Толстого // Философия, антропология и педагогика ненасилия. Екатеринбург, 2006.

О.Н. Новикова, К.А. Ротарь
(УГЛТУ, Екатеринбург)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации. Законопослушность, правопорядок, доверие, развитие экономики и социальной сферы, качество труда и общественных отношений – всё это непосредственно зависит от принятия гражданином России общенациональных и общечеловеческих ценностей и следования им в личной и общественной жизни.

Духовность, в самом общем смысле, – это совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии, а ещё чаще в публицистике духовностью часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью и утверждается, что укрепление духовности осуще-